

Приватность личности: понятие, сущность и правовая природа

Аннотация. Статья посвящена вопросам сравнительно-правового анализа и соотношения теоретико-правовых концепций приватности личности, преобладающих в зарубежной правовой литературе, с целью определения правовой природы, сущности и социальной ценности приватности для личности, общества и государства в условиях формирования и развития общественных отношений в век информационных технологий.

В статье впервые в отечественной правовой литературе предпринимается попытка сформулировать авторскую теоретико-правовую модель (концепцию) понимания приватности личности как сложной системы взаимосвязанных элементов — прав и свобод личности, раскрывается сущность и правовая природа соответствующих элементов, даются их авторские определения, а также делается вывод о важности такого подхода как для отечественной юридической науки, так и для юридической практики.

Ключевые слова: личность, индивидуальный правовой статус, приватность, концептуализация приватности, монистическая концепция приватности, плюралистическая концепция приватности, персонификация, свобода персонификации, право на уединение, парадокс уединения, одиночество, право на ограничение доступа к себе, свобода сокрытия информации о себе, анонимность, парадокс анонимности, секретность, конфиденциальность.

DOI: 10.17803/1994-1471.2019.99.2.033-042

Концепция приватности личности как одного из важнейших условий благополучной жизни и духовного становления человека как самого себя начала зарождаться в сознании людей еще в эпоху Возрождения в государствах Западной Европы, затронув сначала социокультурную, а впоследствии уже главным образом и политико-правовую сферу общества.

В качестве подтверждения можно привести положения Закона Англии от 1361 г. «О мировых судьях», предусматривавшие арест соглядатаев

и перехватчиков информации. Другими словами, данный закон, регламентируя соответствующее правовое предписание, закреплял за личностью право на приватность (включая и право личности на информационную приватность)¹.

Сам же термин «приватность» как политико-правовая категория впервые вошел в западноевропейскую юридическую науку (и впоследствии в судебную практику) благодаря опубликованной в 1890 г. американскими юристами Сэмьюэлем Уорреном и Луи Брандайсом статье

---

¹ См.: Сербин Д. С. Конституционно гарантированное право на приватность // Нравственные императивы в праве. 2014. № 4. С. 79.

«Право на приватность», в которой приватность понималась и определялась ими как «право быть оставленным в уединении»².

Бурное развитие общества и информационно-телекоммуникационных технологий привели не только к новым социальным вызовам, связанным с вопросами приватности, которые стали требовать своевременного ответа на них через установление адекватного правового регулирования, но и к необходимости придания большего значения концепции приватности в ее политико-правовом аспекте, а также к необходимости полного переосмысления взглядов на концептуализацию приватности.

На сегодняшний день ни в зарубежной, ни в отечественной юридической литературе нет единства мнений по вопросам, связанным с определением, правовой природой, сущностью и социальной ценностью приватности в контексте прав, свобод и законных интересов личности.

Тем не менее анализ зарубежной юридической литературы показывает, что можно выделить две основополагающие и диаметрально противоположные точки зрения на концептуализацию приватности, на установление ее правовой природы, сущности и социальной значимости для личности, общества и государства.

В качестве первой такой точки зрения на понятие приватности, ее правовую природу, сущность и социальную ценность в контексте прав и свобод личности можно назвать позицию американского судьи Ричарда Познера, который, рассуждая о приватности с позиции экономического поведения личности и определяя ее через призму понятия секретности как право личности на сокрытие ею дискредитирующей ее информации, полагает, что социальная ценность приватности и потребность личности в ней и в ее защите полностью отсутствуют, так как право

и закон не должны защищать личность, желающую скрыть какие-либо дискредитирующие ее факты³.

Вторая, диаметрально противоположная точка зрения заключается в том, что приватность рассматривается как неотъемлемый элемент правового статуса личности, который также должен пользоваться правовой защитой.

Однако если сторонники данной точки зрения имеют единство мнений относительно приватности как неотъемлемого элемента правового статуса личности, то относительно определения понятия приватности, ее правовой природы, сущности и социальной ценности единства мнений нет.

Так, одни теоретики предлагают рассматривать приватность через призму права личности на приватность, вернее — права личности на один из составляющих приватность (как политико-правовую категорию) элементов, выделяя и рассматривая его в качестве общего существенного признака, через который данные теоретики и предпринимают попытки дать единое определение приватности, которое бы одновременно раскрывало его правовую природу, сущность и социальную ценность (*монистическая концепция приватности*)⁴. Другие же считают необходимым рассматривать приватность через призму свободы личности как более широкой категории в отличие от категории права, тем самым определяя приватность в качестве одной из свобод личности (*плюралистическая, комплексная концепция приватности*)⁵.

В основе монистической концепции приватности лежит так называемый традиционный метод концептуализации, заключающийся в определении понятия, природы, сущности и социальной ценности исследуемого концепта через выявление в нем такого существенного признака, который бы объединял все остальные признаки

² Warren S., Brandeis L. The Right to Privacy // Harvard Law Review. December 15, 1890. Vol. IV. № 5.

³ Posner R. A. The Economics of Justice. 1981. Pp. 272—273.

⁴ См., например: Warren S., Brandeis L. The Right To Privacy // Harvard Law Review. December 15, 1890. Vol. IV. № 5 ; Gavison R. Privacy and the Limits of Law // The Yale Law Journal. 1980. Vol. 89. No. 3. P. 438 ; Jourard S. M. Some Psychological Aspects of Privacy // Law & Contemp. Probs. 1966. 31. P. 307—318.

⁵ См., например: Solove D. J. Conceptualizing Privacy // Cal. L. Rev. 2002. 90. P. 1102 ; Thomson J. J. The Right to Privacy // Philosophical Dimensions of Privacy. 1984.

данного понятия между собой, тем самым давая возможность сформулировать универсальное определение исследуемого понятия.

В настоящее время в зарубежной юридической науке в рамках монистической концепции приватности можно выделить несколько связанных между собой, но имеющих некоторые внутренние различия точек зрения на понятие приватности, ее правовую природу, сущность и социальную ценность в контексте прав и свобод личности, которые, по нашему мнению, могут быть классифицированы в зависимости от выбранного конкретным исследователем существенного признака приватности как политико-правовой категории — конкретного права личности, через который тем или иным исследователем предпринимается попытка дать единое определение понятию приватности, раскрывающее его правовую природу, сущность и социальную ценность.

Анализ зарубежной научной юридической литературы позволяет выделить два таких права личности, которые берутся разными исследователями вопросов приватности за основу: право личности на уединение и право личности на ограничение доступа к себе.

Как отмечалось в начале настоящей статьи, основоположники концепции приватности в американской юридической науке и практике Сэмьюэль Уоррен и Луи Брандайс рассматривали понятие приватности через призму потребности личности в уединении, в связи с чем само понятие приватности они раскрывали как право быть оставленным в уединении как в физическом, так и в психологическом смысле, объясняя это тем, что приватность в контексте прав, свобод и законных интересов личности главным образом связана не только с «территориальным уединением личности, которое защищено от вторжения нежелательных объектов или сигналов»⁶, но и с психологическим уединением, которое равным образом должно защищаться правом от нежелательного психологического воздействия на психику личности извне.

Однако такое понимание приватности нередко критикуется в зарубежной научной литературе за то, что оно не дает полноценного представления о том, как должны определяться границы такого уединения, а также условия и временные рамки потребности личности в уединении, что приводит к тому, что границы реализации личностью своего права на приватность могут быть неоправданно расширены, что, в свою очередь, может привести к попиранию прав, свобод и законных интересов других лиц.

Так, Даниэль Солове отмечает: «...Существует слишком много способов, когда люди могут осуществлять (психологическое) вмешательство, не нарушая при этом приватности. Например, если мы смотрим на человека, то мы уже не оставляем его одного, тем самым нанося ему, возможно, какой-то ущерб, но это не будет проблемой приватности»⁷. Безусловно, указанное в данном примере вмешательство не будет нарушать приватность. Однако, на наш взгляд, в этом нет ничего удивительного, так как вполне очевидно, что подобное вмешательство никак не связано с правом на уединение, являющимся элементом приватности личности, и, следовательно, никто не станет разумно ожидать и требовать от кого-либо компенсации морального вреда, причиненного чьим-то брошенным невзначай взглядом.

Другими словами, Даниэль Солове в попытке доказать возможность слишком сильного расширения в рамках общественных отношений и взаимодействий людей границ права на уединение (или права быть оставленным в уединении) фактически подменяет понятие «уединение» на понятие «одиночество». Несмотря на сходство данных понятий, в связи с чем их нередко указывают в качестве синонимичных, тождественных и взаимозаменяемых, с точки зрения психологии они имеют существенные различия.

Например, как справедливо указывает Д. В. Винникотт, одиночество представляет собой нежелание личности находиться в чьем-либо об-

⁶ См.: Kang J. Information Privacy in Cyberspace Transactions // Stanford Law Review. 1998. № 5. Pp. 1202—1203.

⁷ Solove D. J. 'I've Got Nothing to Hide' and Other Misunderstandings of Privacy // San Diego Law Review. 2007. Vol. 44. Pp. 745—772.

ществе и нежелание контактировать (в том числе и визуально) с кем бы то ни было; в то время как парадокс уединения состоит в способности личности быть наедине с собой (с целью поиска личностью подлинного себя) в присутствии кого-то⁸.

Таким образом, по нашему мнению, основной аргумент, направленный на критику понятия приватности как права личности быть оставленным в уединении, состоящий в возможности слишком сильного расширения этого права, представляется чрезмерно надуманным, что, полагаем, связано либо с отсутствием понимания (либо с пренебрежением) психологических аспектов категории уединения и одиночества, приводящим к их отождествлению, вопреки даже тому, что сами Сэмьюэл Уоррен и Луи Брандайс, раскрывая понятие приватности как «the right to be let alone», использовали английское слово *alone*, означающее «быть наедине с собой», а не слово *loneliness*, например имеющее значение «одиночество».

Другой наиболее распространенной точкой зрения на понятие приватности, ее правовую природу, сущность и социальную ценность в рамках монистической концепции приватности является рассмотрение и понимание приватности как права личности на ограничение доступа к себе.

В наиболее общем своем виде данный подход признает право личности, будучи частью общества, на отстранение от общества и на сокрытие какой бы то ни было информации или части информации о самой себе, тем самым и на ограничение доступа окружающих к себе.

Исходя из этого, как справедливо отмечает Даниэль Солове, такое понимание приватности сторонниками данного теоретического подхода достаточно близко к пониманию приватности как права на уединение, в связи с чем данный подход, возможно, является более философской формулировкой данного права⁹.

Следовательно, данный теоретический подход имеет и более глубокие проблемы, в отли-

чие от похода, согласно которому приватность понимается в качестве права на уединение. Так, например, он не называет основных условий, при которых доступ к личности будет нарушать приватность, так как ущемление приватности личности влечет не всякий доступ, а только доступ к конкретным аспектам жизни личности или к конкретной информации об этой личности и (или) о ее жизни. Другими словами, данный подход не дает понимания того, какая степень доступа к личности необходима, чтобы признать ее нарушающей приватность личности, а также не дает ответа на вопрос о том, какова должна быть степень контроля личности над доступом к себе, чтобы ее можно было считать разумной и не нарушающей прав, свобод и законных интересов иных лиц.

В основу же плюралистической концепции приватности положена философская идея Людвига Витгенштейна, заключающаяся в том, что существуют такие понятия, природа которых не сводится к единой сущности, к единому «общему знаменателю», а имеют «общую сложную сеть сходных свойств», которые могут как полностью «перекрывать» друг другом, так и перекрещиваться, пересекаясь между собой и взаимно дополняя друг друга¹⁰.

Сторонники плюралистической концепции приватности не просто предпринимают попытку уйти от традиционных методов исследования и описания сущности и природы данной политико-правовой категории, но пытаются показать, что правовая природа, сущность и социальная ценность приватности выходят за рамки права на нее, а именно: приватность представляет собой не право личности, не некую оформленную (зачастую даже исчерпывающим образом) в нормативных правовых актах модель поведения личности, модель реализации личностью этого права, а одну из свобод личности, которая, как справедливо отмечает С. А. Авакьян, в отличие от права, может иметь множество вариантов существования, один из которых можно

⁸ См.: *The capacity to be alone* // Winnicott D. W. *The Naturation Process and the Facilitating Environment*. London : Hogarth Press, 1960. Pp. 26—36.

⁹ См.: *Solove D. J. Conceptualizing Privacy*. P. 1102.

¹⁰ См.: *Wittgenstein L. Philosophical Investigations* § 65 (G.E. M. Anscombe, trans. 1958).

отразить в нормах права, в то время как в отношении других зачастую это сделать просто невысказано¹¹.

Таким образом, плюралистический подход к концепции приватности личности представляется наиболее перспективным в реалиях современного мира, так как он исходит из здравого понимания того, что и непосредственно возникшие и потенциальные проблемы, связанные с приватностью личности, совершенно не зависят от того, каким будет наше отношение к самой категории приватности: будем ли мы отрицать приватность личности и всё, что с ней непосредственным образом связано, или, наоборот, соглашаясь с важностью данной политико-правовой категории в рамках системы прав и свобод, будем спорить о том, является ли она правом на уединение или правом на ограничение доступа к себе; будем ли мы говорить о тех или иных общественных отношениях, существующих в социуме, как об элементах приватности, классифицируя их на соответствующие права, составляющие категорию приватности и порождающие социально-правовые проблемы, или нет. Такой подход к концептуализации приватности представляется наиболее верным и обоснованным, поскольку понимание приватности как свободы личности, сочетающей в себе не только фиксируемые варианты поведения личности, но и духовный мир личности, социальные ценности, помогает более комплексно раскрытию и уяснению сущности, правовой природы приватности, раскрывая ее через баланс правовых предписаний и ее социальной ценности для личности, общества и государства, что, в свою очередь, предоставляет личности, обществу и государству в лице его государственных органов и их должностных лиц гораздо больше возможностей для своевременного распознавания, комплексного исследования и выявления тенденций появления новых проблем приватности, необходимых и достаточных для своевременного принятия адекватных мер по их минимизации, предотвращению и защите

от них путем формирования адекватного законодательного регулирования.

Кроме того, необходимо также отметить, что в зарубежной юридической науке существуют и такие концепции приватности, которые «выпадают» из рассмотренной выше классификации концептуализации, так как, в сущности, они представляют собой определенного рода дополнения одновременно ко всем (или как минимум к большинству) уже имеющихся концепций и точек зрения в рамках соответствующих концепций.

Наиболее ярким примером такой концепции, на наш взгляд, является концепция понимания приватности личности как формы защиты целостности личности, главным образом трех непосредственно составляющих эту самую целостность личности атрибутов: индивидуальности, достоинства и автономии личности.

Так, например, философ Стэнли Бенн, развивая данную концепцию на основе философского труда Жан-Поля Сартра «Бытие и ничто», отмечает, что приватность следует понимать как уважение в первую очередь к выбору человека, в связи с чем приватность каждого может быть нарушена даже, казалось бы, таким ограниченным вмешательством, как наблюдение, ведь человек, становясь объектом чужого внимания, начинает совершенно иначе себя осознавать, а именно не как активный субъект данного процесса с бесконечными возможностями, а как объект данного процесса, обладающий ограниченными вероятностями своего поведения. Следовательно, Стэнли Бенн утверждает, что даже такое вмешательство в жизнь человека, как упомянутое наблюдение, ограничивает диапазон выбора человека и, как следствие, его свободу¹².

Таким образом, данная точка зрения непосредственно связана с такими воззрениями общей и социальной психологии на становление индивида как личности, как персонификация личности, представляющая собой, с одной стороны, условие формирования индивида как личности путем освоения и присвоения им социального опыта, а также его самостоятельного

¹¹ См.: *Авакьян С. А.* Конституционное право России : учебный курс : учеб. пособие : в 2 т. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Норма: Инфра-М, 2011. Т. 1. С. 666.

¹² *Benn S. I.* Theory of Freedom. Cambridge University Press, 1988. P. 26.

и независимого олицетворения в своей жизнедеятельности, а с другой — как форма защиты личности от посягательств государства и иных лиц на ее самоопределение, самовыражение и самоутверждение. Такой подход к концептуализации приватности можно определить как концепцию персонификации, рассматривающую приватность личности через призму свободы персонификации личности, выраженную в самоопределении, самовыражении, самоутверждении личности посредством самостоятельного освоения, присвоения и олицетворения ею социального опыта в своей жизнедеятельности.

Несмотря на активную критику данной концепции, основанную в большей степени либо на том, что она касается свободы и автономии воли, но никак не связана с приватностью¹³, либо на том, что данная концепция является слишком широкой, поэтому не приносит никакой ясности в понимание приватности, ее понятия, правовой природы, сущности и социальной ценности¹⁴, считаем, что рассматриваемая концепция имеет существенное значение для концептуализации приватности, особенно на современном этапе, так как она, признавая свободу персонификации личности в качестве неотъемлемого элемента приватности, раскрывает ее социальную ценность, объясняя, насколько это важно для личности — иметь возможность удовлетворить свою потребность в уединении и в ограничении доступа к себе, — тем самым становясь логическим звеном, связывающим правовые составляющие теорий, рассматривающих приватность как право быть оставленным в уединении и как право на ограничение доступа к себе, с социальной составляющей самой категории приватности.

На основе проведенного выше анализа существующих в настоящее время в зарубежной юридической науке концепций понимания приватности, ее понятия, правовой природы, сущности и социальной ценности, опираясь в большей степени на плюралистическую концепцию

понимания приватности личности, автор настоящей статьи предлагает следующую модель представления приватности как политико-правовой категории, а именно предлагает определять приватность как индивидуальный правовой статус личности, представляющий собой совокупность индивидуально-персонифицированных прав, свобод и обязанностей личности, составляющих основу правового положения личности в обществе и в государстве, социальная ценность которого выражена в обеспечении социально-правовых возможностей, вариантов и гарантий личности в удовлетворении ею своих потребностей в персонификации и в сокрытии информации о себе, о своей личной жизни и о своей жизнедеятельности.

В качестве основных прав и свобод, составляющих приватность как индивидуальный правовой статус личности, предлагается выделять и рассматривать:

1. *Свободу персонификации личности*, представляющую собой, как уже было отмечено, социально-правовые возможности, варианты и гарантии самоопределения, самовыражения, самоутверждения личности посредством самостоятельного освоения и присвоения ею социального опыта в своей жизнедеятельности, реализуемую посредством:

- а) *права личности на уединение*, под которым предлагается понимать право личности на защиту своей духовно-внутренней составляющей от вмешательства извне, выраженного главным образом в оказании такого влияния на личность, которое не позволяло бы или ограничивало бы диапазон ее выбора в плане возможностей для самоопределения, самовыражения и самоутверждения;
- б) *права личности на ограничение доступа к себе*, под которым предлагается понимать право личности на защиту своей физической составляющей от физического вмешательства¹⁵ в нее, которое в опре-

¹³ См.: Sandel M. Democracy's Discontent. 1996.

¹⁴ См.: Gavison R. Op. cit. P. 438.

¹⁵ При этом под *физическим вмешательством* в рамках настоящей статьи автором понимается не только (и не столько) физическое воздействие на личность посредством силы и (или) органов чувств, но и (сколь-

деленной мере можно назвать и своего рода гарантом, обеспечивающим свободную и беспрепятственную реализацию права личности на уединение.

2. *Свободу сокрытия информации о себе*, представляющую собой социально-правовые возможности, варианты и гарантии самостоятельного определения личностью качества (дискредитирующая и (или) недискредитирующая информация) и объема информации о себе, подлежащей и не подлежащей раскрытию, а также определение условий и круга лиц, при которых и которым может быть раскрыта такая информация, реализуемую посредством:

а) *права на анонимность*, под которым предлагается понимать право личности на совершение действий, в результате которых становится невозможным без использования дополнительной информации установить связь конкретной информации с конкретной личностью.

Такое определение праву на анонимность автором настоящей статьи было дано, исходя из анализа доктринальных взглядов на само понятие анонимности, из социальной сущности анонимности¹⁶, а также из анализа отдельных правовых норм российского законодательства, рассмотренных в системном единстве.

Так, П. А. Кабанов отождествляет понятие анонимности с понятием деперсонифицированности¹⁷. Однако с таким подходом трудно согласиться, так как, в соответствии с рассмотренной

ранее концепцией персонификации личности, персонификация личности — это двойственный процесс, связанный, с одной стороны, с социализацией личности как с процессом самостоятельного освоения и присвоения личностью социального опыта, а с другой — с социализацией личности как со средством самовыражения и самоутверждения.

Иными словами, если понятие анонимности и можно отождествлять с понятием деперсонифицированности, то только в отношении самой же личности: деперсонифицированная личность — личность анонимная для себя, неизученная самой собой, непознанная для себя изнутри, но необязательно для других. Например, лицо, страдающее амнезией, может быть расценено как анонимное лицо для себя (поскольку оно фактически о себе, в том числе о своей духовно-нравственной составляющей, ничего не знает), но другим (например, родственникам, близким друзьям и т.д.) оно может быть известно.

Таким образом, представляется, что понятие анонимности имеет большую связь с понятием обезличенности, чем с понятием деперсонификации, так как первое отражает физическую составляющую информации о личности, а второе — психические процессы становления личности.

В качестве подтверждения необходимости такого понимания анонимности личности можно привести пп. 9 ст. 3 Федерального закона от

ко) получение информации о личности в отсутствие соответствующего ее согласия. Другими словами, по мнению автора настоящей статьи, право личности на ограничение доступа к себе включает в себя аспект осуществления личностью контроля за информацией о себе.

¹⁶ Главным образом под социальной сущностью анонимности автором настоящей статьи понимается аспект относительности анонимности в условиях социума, подразумевающий, что конкретное лицо может быть анонимным или идентифицированным не вообще, но всегда в конкретном общественном отношении — всегда для кого-либо (см.: Андрющенко Е. С. Проблема идентификации субъектов интернет-отношений. Виртуальное лицо // Информационное общество: проблемы развития законодательства : сборник научных работ. М. : ИГП РАН, Юркомпани, 2012. С. 79.). Данная оговорка абсолютно справедлива, так как в действительности представить ситуацию, в которой бы лицо в условиях социума и межличностного взаимодействия оставалось одновременно для всех всегда или анонимным, или идентифицированным, практически невозможно.

¹⁷ Кабанов П. А. Криминологическая классификация жертв политических преступлений в современной российской криминальной политической виктимологии // Юридическое образование и наука. 2007. № 4. С. 3.

27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»¹⁸, в котором под обезличиванием понимаются «действия, в результате которых становится невозможным без использования дополнительной информации определить принадлежность персональных данных конкретному субъекту персональных данных». Анализ данной нормы помогает сделать вывод о том, что с точки зрения правоприменения для установления связи конкретной информации с конкретной личностью важны не столько аспекты характера личности, определяемые и воспринимаемые ею самой и для себя с целью собственной персонификации, сколько те внешние, объективные аспекты, составляющие индивидуальные черты личности, отличающие ее от других, при их восприятии другими лицами;

б) *права на секретность*, под которым автором настоящей статьи предлагается понимать право личности на совершение действий по ограничению доступа к информации о себе и о своей жизни, которое может быть представлено, по нашему мнению, главным образом в двух основных формах: в установлении режима тайны информации и в предоставлении вымышленной информации¹⁹ о себе (в частности, указание псевдонима вместо реального имени);

в) *права на конфиденциальность*, под которым автором настоящей статьи предлагается понимать право личности на самостоятельное определение условий и круга лиц, при которых и которым может быть предоставлен доступ к секретной информации о себе и своей жизни.

Указанные два права личности не только являются взаимосвязанными между собой, но и непосредственно связанными с правом личности на анонимность.

Как было отмечено, основной проблемой социальной сущности анонимности является ее относительность в силу невозможности создания такого рода ситуации, когда личность была бы одновременно для всех и всегда абсолютно неизвестна, в связи с чем можно поставить под сомнение сам факт возможности реализации данного права личности и необходимости его признания, охраны и защиты, а следовательно, и сам факт существования свободы сокрытия информации, так как ее реализация, как было указано, непосредственно связана с возможностью реализации личностью своего права на анонимность.

В этой связи, как представляется, права личности на секретность и на конфиденциальность являются своего рода «спасательным кругом» права на анонимность, так как фактически, оставаясь в рамках «парадокса анонимности», создают условия реализации данного права личности, тем самым как бы нивелируя данный минус.

Таким образом, автором настоящей статьи была предпринята попытка выработки модели понимания *приватности как индивидуального правового статуса личности*, под которым было предложено понимать совокупность индивидуально-персонифицированных прав, свобод и обязанностей личности, составляющих основу правового положения личности в обществе и государстве, социальная ценность которого выражена в обеспечении социально-правовых возможностей, вариантов и гарантий личности в удовлетворении ею своих потребностей в персонификации и в сокрытии информации о себе, своей личной жизни и жизнедеятельности (включая деятельность в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»).

¹⁸ СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

¹⁹ Под *предоставлением вымышленной информации о себе* автором настоящей статьи понимается предоставление такой информации, которая, с одной стороны, не является информацией, официально связанной с личностью, позволяющей ее достоверно идентифицировать, но, с другой стороны, воспринимается и ассоциируется самой личностью с собой и (или) с какими-то своими индивидуальными особенностями, чертами, составляя при этом индивидуальный аспект своей персонификации, формирующий некий цифровой портрет цифровой личности.

При этом в рамках приватности как индивидуального правового статуса личности автором настоящей статьи было сделано предложение выделять следующие ее основные элементы:

1. Свободу персонификации личности, включающую в себя *право личности на уединение*

и право личности на ограничение доступа к себе.

2. Свободу сокрытия информации, реализуемую через *право личности на анонимность*, включающее в себя *право личности на секретность* и *право личности на конфиденциальность*.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Авакьян С. А.* Конституционное право России : учебный курс : учеб. пособие : в 2 т. — 4-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма: Инфра-М, 2011. — Т. 1. — 864 с.
2. *Андрющенко Е. С.* Проблема идентификации субъектов интернет-отношений. Виртуальное лицо // Информационное общество: проблемы развития законодательства : сборник научных работ. — М. : ИГП РАН, Юркомпани, 2012. — С. 79—85.
3. *Кабанов П. А.* Криминологическая классификация жертв политических преступлений в современной российской криминальной политической виктимологии // Юридическое образование и наука. — 2007. — № 4. — С. 24—28.
4. *Сербин Д. С.* Конституционно гарантированное право на приватность // Нравственные императивы в праве. — 2014. — № 4. — С. 76—79.
5. *Benn S. I.* Theory of Freedom. — Cambridge University Press, 1988.
6. *Gavison R.* Privacy and the Limits of Law // The Yale Law Journal. — 1980. — Vol. 89. — No 3. — Pp. 421—471.
7. *Jourard S. M.* Some Psychological Aspects of Privacy // Law & Contemp. Probs. — 1966. — 31. — Pp. 307—318.
8. *Kang J.* Information Privacy in Cyberspace Transactions // Stanford Law Abstract. — 1998. — № 50. — Pp. 1202—1203.
9. *Posner R. A.* The Economics of Justice. — 1981.
10. *Sandel M.* Democracy's Discontent. — 1996.
11. *Solove D. J.* 'I've Got Nothing to Hide' and Other Misunderstandings of Privacy // San Diego Law Abstract. — 2007. — Vol. 44. — Pp. 745—772.
12. *Solove D. J.* Conceptualizing Privacy // Cal. L. Rev. — 2002. — 90.
13. The capacity to be alone // Winnicott D. W. The Natural Process and the Facilitating Environment. — London : Hogarth Press, 1960. — Pp. 26—36.
14. *Thomson J. J.* The Right to Privacy // Philosophical Dimensions of Privacy. — 1984.
15. *Warren S., Brandeis L.* The Right to Privacy // Harvard Law Abstract. — December 15, 1890. — Vol. IV. — № 5. — Pp. 193—220.

Материал поступил в редакцию 17 апреля 2018 г.

PRIVACY OF AN INDIVIDUAL: THE CONCEPT, ESSENCE AND LEGAL NATURE

LYAPUNOV Boris Alekseevich, Postgraduate Student of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Financial University under the Government of the Russian Federation
fox-in-law@hotmail.com
141304, Russia, Moscovskaya oblast, Sergiev Posad, ul. Moskovskoe shosse, 26

Abstract. *The article is devoted to the issues of comparative legal analysis and correlation of theoretical and legal concepts of personal privacy prevailing in foreign legal literature, and is aimed at determining the legal nature, essence and social value of privacy for the individual, society and the State in the conditions of formation and development of social relations in the age of information technology.*

For the first time in the domestic legal literature, the article attempts to define the author's theoretical and legal model (concept) of understanding privacy of an individual as a complex system of interrelated elements, i.e. rights and freedoms of the individual, reveals the essence and legal nature of relevant elements, provides for the author's definitions of elements in question, and draws conclusions concerning importance of this approach for both domestic legal science and court practice.

Keywords: *individual, individual legal status, privacy, conceptualization of privacy, monistic concept of privacy, pluralistic concept of privacy, personification, freedom of personification, right to privacy, paradox of privacy, loneliness, right to limit access to oneself, freedom of concealment of information about oneself, anonymity, paradox of anonymity, secrecy, confidentiality.*

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Avak'yan S. A. Konstitutsionnoe pravo Rossii : uchebny kurs : ucheb. posobie : v 2 t. — 4-e izd., pererab. i dop. — M. : Norma: Infra-M, 2011. — T. 1. — 864 s.
2. Andryushchenko E. S. Problema identifikatsii sub"ektov internet-otnosheniy. Virtual'noe litso // Informatsionnoe obshchestvo: problemy razvitiya zakonodatel'stva : sbornik nauchnykh rabot. — M. : IGP RAN, Yurkompani, 2012. — S. 79—85.
3. Kabanov P. A. Kriminologicheskaya klassifikatsiya zhertv politicheskikh prestupleniy v sovremennoy rossiyskoy kriminal'noy politicheskoy viktimologii // Yuridicheskoe obrazovanie i nauka. — 2007. — № 4. — S. 24—28.
4. Serbin D. S. Konstitutsionno garantirovannoe pravo na privatnost' // Nравstvennye imperativy v prave. — 2014. — № 4. — S. 76—79.